

Джейн Остин

ЧУВСТВО И ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Перевод с английского

И. Г. ГУРОВОЙ

Иллюстрации

Ч.-Э. БРОКА

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ МЕЩЕРЯКОВА

2019

ГЛАВА 1

Дэшвуды принадлежали к старинному роду, владевшему в Сасексе большим поместьем, которое носило название Норленд-парк, и в усадьбе, расположенной в самом сердце их обширных угодий, из поколения в поколение вели столь почтенную жизнь, что пользовались среди соседей самой доброй репутацией. Последним хозяином поместья был доживший до весьма преклонного возраста старый холостяк, много лет деливший свое уединение с сестрой, которая вела дом. Но она умерла — что произошло лет за десять до его собственной кончины, — отчего домашняя его жизнь совершенно переменилась, ибо, потеряв ее, он пригласил поселиться у себя семью своего племянника мистера Генри Дэшвуда, законного наследника Норленда, которому он так или иначе намеревался завещать свое имение. Общество племянника, племянницы и их детей приятно скрашивало жизнь старика. Его привязанность к ним все возрастала и крепла. Мистер и миссис Дэшвуд с заботливым попечением покоили его старость, угождая всем его желаниям не столько из своекорыстия, сколько по душевной доброте, веселость же детей служила ему развлечением.

У мистера Генри Дэшвуда был сын от первого брака, а вторая жена подарила ему трех дочерей. Сын, благоразумный и степенный молодой человек, не был стеснен в средствах, получив по достижении двадцати одного года половину состояния своей покойной матери, которое было весьма большим. А вскоре затем вступив в брак, еще приумножил свое богатство. Вот почему для него дальнейшая судьба Норленда была не столь важна, как для его сестер, чьи ожидания, если бы их отец не унаследовал имения, оказались бы далеко не радужными. Мать их никакого собственного состояния не имела, а отец по собственной воле мог распорядиться лишь семью тысячами фунтов, так как остальная часть наследства его первой жены также должна была отойти ее сыну, он же лишь пожизненно пользовался процентами с нее.

Почтенный джентльмен скончался. Его завещание было оглашено и, как почти всегда в подобных случаях, принесло

у их драгоценного сыночка! Но это же нанесет страшнейший ущерб его состоянию! Она умоляла его хорошенько подумать. Какое оправдание найдет он себе, если ограбит свое дитя, свое единственное дитя? Ведь это же огромная сумма! И какое, собственно, право есть у девиц Дэшвуд, всего лишь сводных его сестер — а такое родство она вообще родством не признает, — на подобную его щедрость? Давно известно, что между детьми от разных браков их отца вообще никакой привязанности и быть не положено. Почему должен он разорить себя и их бедного Гарри, отдав все свои деньги сводным сестрам?

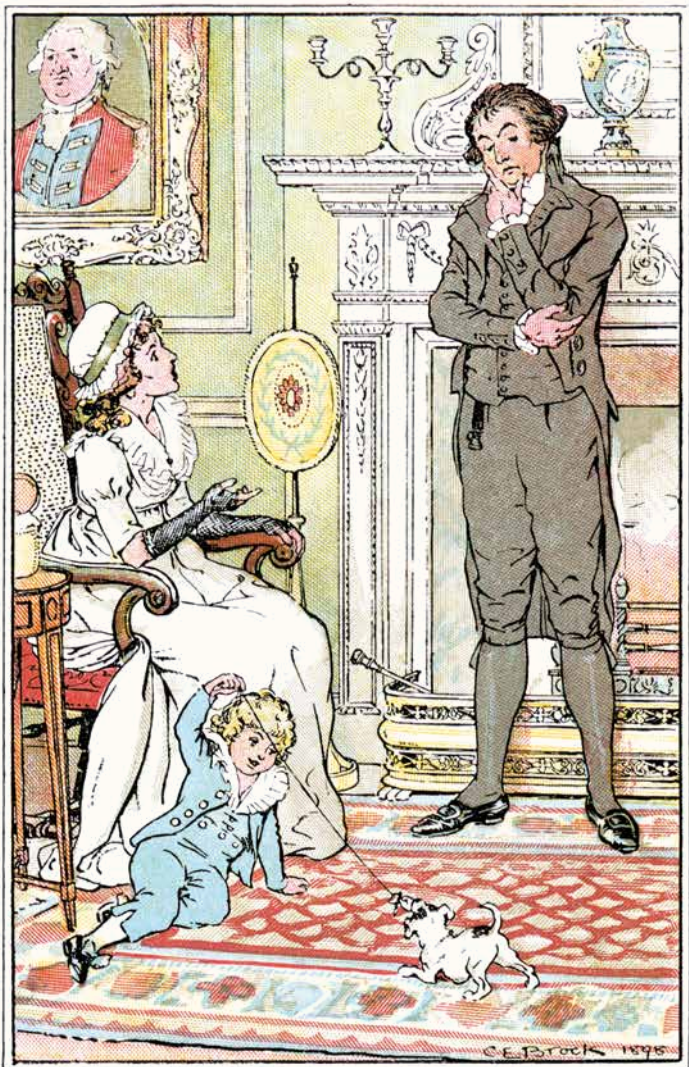
— На смертном одре отец просил меня, — ответил ее муж, — чтобы я помог его вдове и дочерям.

— Вероятно, он не понимал, что говорит. Десять против одного, у него был бред. Будь он в здравом уме, ему и в голову не пришло бы просить, чтобы ты отнял половину своего состояния у собственного сына!

— Он не называл никаких сумм, милая Фанни, а лишь в общих словах просил меня оказать им помощь, обеспечить их будущее надежнее, чем было в его власти. Пожалуй, было бы лучше, если бы он просто положился на меня. Неужели он думал, что я брошу их на произвол судьбы! Но раз уж он потребовал от меня обещания, я не мог отказать. Во всяком случае, так мне это представилось в ту минуту. Но как бы то ни было, обещание я дал и его необходимо сдерживать. Надо будет сделать для них что-то, когда они покинут Норленд и устроятся в своем новом доме.

— Так и сделай для них что-то. Но почему этим «что-то» непременно должны быть три тысячи фунтов? Ну, подумай сам! — добавила она. — Стоит отдать деньги, и они уже к тебе не вернуться. Твои сестры выйдут замуж, и ты лишишься этих денег навсегда. Конечно, если бы они все-таки когда-нибудь достались нашему бедному малютке...

— Да, бесспорно, — с величайшей серьезностью согласился ее муж, — это меняло бы дело. Ведь может настать время, когда Гарри пожалеет, что столь крупная сумма была отдана на сторону. Если, например, у него будет много детей, такая добавка оказалась бы очень кстати.

Она умоляла его хорошенько подумать

порывам юго-западного ветра, жалея, что неразумные опасения помешали их матери и Элинор разделить с ними это восхитительное удовольствие.

— Можно ли вообразить что-нибудь чудеснее? — сказала Марианна. — Маргарет, мы пробудем здесь два часа, не меньше!

Маргарет охотно согласилась, и, звонко смеясь, они продолжали идти навстречу ветру еще минут двадцать, но внезапно тучи у них над головой сомкнулись, и струи косога дождя принялись хлестать их по лицу. Захваченные врасплох, они с огорчением вынуждены были повернуть обратно, так как ближе дома укрыться было негде. Однако одно утешение нашлось и тут: капризы погоды смягчали строгость приличий, позволяя пуститься бегом вниз по крутому склону, который вел прямо к самой их калитке.

И они побежали. Марианна было опередила сестру, но вдруг споткнулась и упала, а Маргарет, не в силах остановиться, чтобы помочь ей, благополучно достигла подножья холма.

Но навстречу им поднимался какой-то джентльмен с охотничьим ружьем и двумя пойнтерами. От упавшей Марианны его отделяло лишь несколько шагов, и, положив ружье на траву, он бросился к ней. Она попробовала встать, но удержалась на ногах лишь с большим трудом, так как вывихнула щиколотку. Джентльмен предложил свою помощь, но, заметив, что стыдливость препятствует ей согласиться на требования необходимости, без дальних слов подхватил ее на руки и бережно снес вниз. Маргарет оставила калитку открытой, и он, пройдя через сад, последовал за Маргарет в дом и расстался со своей ношей только в гостиной, где осторожно опустил ее в кресло.

Элинор и миссис Дэшвуд при их появлении растерянно встали, глядя на него с явным удивлением и тайным восхищением, какого не могла не внушить им его наружность, а он принес извинения за свое внезапное вторжение, объяснив причину с такой учливой простотой и непринужденностью, что его бесспорная красота приобрела новое обаяние благодаря чарующему голосу и изысканной речи. Окажись он старым, безобразным и вульгарным, миссис Дэшвуд испытывала бы к нему за услугу, оказанную ее девочке, точно такую же признательность,

*Джентльмен без дальних слов подхватил ее
на руки и бережно снес вниз*

— Ах нет! — ответила Марианна. — Мы не могли бы оказаться в худшем положении!

— Марианна! — с упреком воскликнула ее сестра. — Как ты можешь? Это очень достойные люди, мистер Феррарс, и окружают нас самым дружеским вниманием. Неужели ты забыла, Марианна, сколько приятных дней мы провели благодаря им?

— Нет, не забыла, — негромко ответила Марианна, — как и все мучительные минуты.

Элинор пропустила ее слова мимо ушей и постаралась занять гостя разговором об их новом жилище, о его расположении и прочем, иногда добиваясь от него вежливых вопросов и замечаний. Его холодность и сдержанность больно ее задевали, пробуждали в ней досаду и даже раздражение. Но, решив исходить только из прошлого, а не из настоящего, она ничем не выдала того, что чувствовала, и держалась с ним так, как, по ее мнению, требовало свойство между ними.

ГЛАВА 17

Миссис Дэшвуд удивилась лишь на мгновение: она считала, что ничего естественнее его приезда в Бартон быть не могло, и не скупилась на самые радостные восклицания и приветствия. Никакая застенчивость, холодность и сдержанность не устояла бы против столь ласкового приема (а они изменили ему еще прежде, чем он переступил порог коттеджа), радушие же миссис Дэшвуд и вовсе заставило их бесследно исчезнуть. Да и не мог человек, влюбленный в одну из ее дочерей, не перенести часть своего чувства на нее самоё, и Элинор с облегчением заметила, что он опять стал похож на себя. Словно привязанность к ним всем вновь воскресла в его сердце, и интерес к их благополучию казался неподдельным. Однако какая-то унылость не оставляла его: он расхваливал коттедж, восхищался видами из окон, был внимателен и любезен, но унылость не проходила. Они это заметили, и миссис Дэшвуд, приписав ее новым стеснительным требованиям его матери, села за стол, полная негодования против всех себялюбивых и черствых родителей.

*Никакая застенчивость, холодность и сдержанность
не устояла бы против столь ласкового приема*

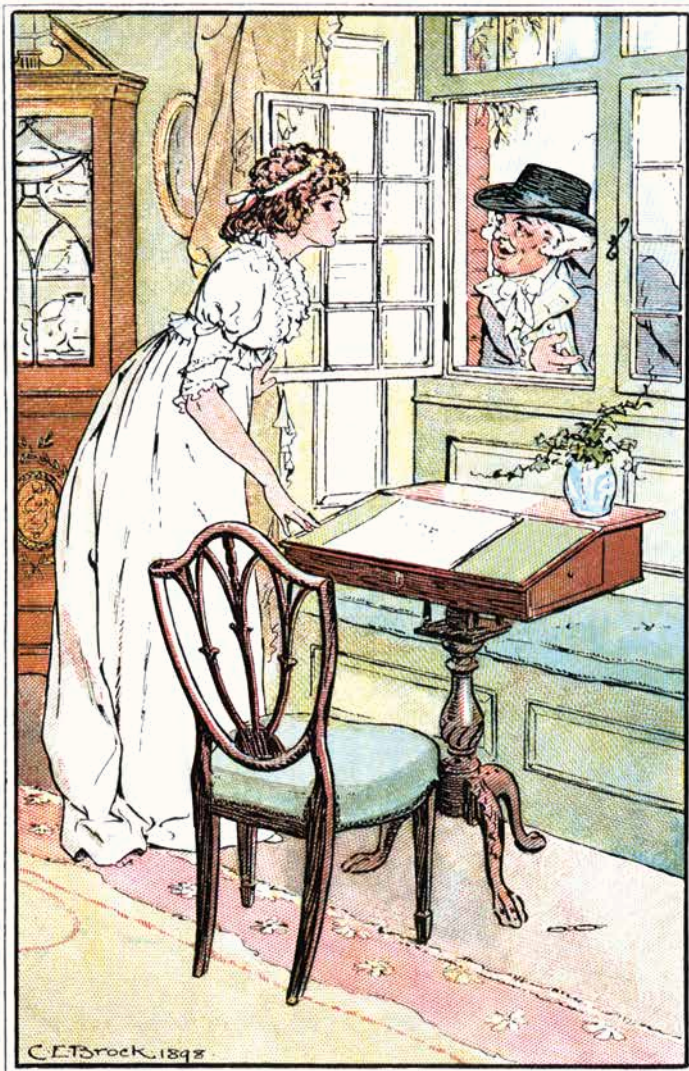
и отлично: в компании вам будет веселее! Я привела к вам знакомиться других моих сына и дочь. Вообразите только, пожаловали без предупреждения! Вчера вечером пьем мы чай и я словно бы слышу стук кареты. Но я и представить себе не могла, что это они! Думаю только: никак, полковник Брэндон возвратился. И говорю сэру Джону: кажется, карета подъехала. Может быть, полковник Брэндон возвратился...

Элинор вынуждена была в самый разгар ее повествования отвернуться от нее, чтобы встать навстречу остальным гостям. Леди Мидлтон представила новоприбывших. В эту минуту сверху спустились миссис Дэшвуд с Маргарет, все сели и принялись разглядывать друг друга, пока миссис Дженнингс продолжала свою историю, шествуя по коридору в сопровождении сэра Джона.

Миссис Палмер была несколькими годами моложе леди Мидлтон и во всех отношениях на нее непохожа. Невысокая толстуха с миловидным личиком и приветливейшим выражением, какое только можно вообразить. Манеры ее были далеко не столь изысканными, как у сестры, но зато гораздо более располагающими. Она вошла с улыбкой, продолжала улыбаться до конца визита, за исключением тех минут, когда смеялась, и попрощалась с улыбкой. Муж ее был невозмутимый молодой человек лет двадцати пяти или двадцати шести, более светский и чинный, чем его жена, но менее склонный радовать и радоваться. Он вошел в гостиную с чопорным видом, слегка поклонился хозяйкам, не произнес ни слова, коротко обозрел их, а также комнату, и взял со столика газету, которую продолжал читать, пока не настало время откланяться.

Напротив, миссис Палмер, с ее природной приветливостью и счастливым характером, не успела сесть, как принялась изливать восторг, в который ее ввергла гостиная и вся обстановка.

— Ах, какая прелестная комната! Никогда не видела ничего очаровательнее! Только подумайте, мама, как она украсилась с тех пор, как я в последний раз ее видела! Мне она всегда казалась милой, сударыня, — это было адресовано миссис Дэшвуд, — но вы сделали ее восхитительной! Сестрица, погляди,

*«Мы привели к вам кое-кого.
Как вы их находите?»*

так хотел бы его иметь! Но я решила при первом же удобном случае исполнить его просьбу.

— Вы в своем праве, — спокойно ответила Элинор, и несколько шагов они шли в молчании.

Первой его нарушила Люси.

— Я знаю, — сказала она, — я могу положиться на то, что вы не проговоритесь. Ведь вы, конечно, понимаете, как для нас важно сохранить этот секрет от его матери. Боюсь, она никогда не даст согласия. У меня нет приданого, а она, полагаю, очень гордая дама.

— Я не искала вашей доверенности, — ответила Элинор, — но вы вполне правы, думая, что можете положиться на мою скромность. Ваша тайна в полной безопасности. Но извините, если я несколько удивлена столь ненужным признанием. Ведь, открывая мне свой секрет, вы понимали, что во всяком случае сохранению его это способствовать не может.

При этих словах она пристально поглядела на Люси, надеясь прочесть что-нибудь по ее лицу — ведь большая часть ее признания могла быть ложью! Однако выражение Люси не изменилось.

— Боюсь, вам кажется, что я допустила большую вольность, — сказала она, — открывшись вам. Да, конечно, мы с вами знакомы недолго, то есть лично, но по описанию вы и ваше семейство известны мне довольно давно, и, едва увидев вас, я почувствовала себя с вами, как со старой знакомой. К тому же сейчас я, правда, сочла, что обязана дать вам объяснения после того, как задала такой вопрос про мать Эдварда, тем более что, к несчастью, мне не у кого просить совета. О нас знает только Анна, но на ее суждение совсем нельзя полагаться. И мне от нее больше вреда, чем пользы, ведь я все время боюсь, как бы она меня не выдала. Она совсем не умеет держать язык за зубами, что вы, конечно, заметили, и, право же, когда давеча сэръ Джон назвал его имя, я ужас как перепугалась, что она сейчас все и распишет. Даже невообразимо, сколько я душевных мук терплю из-за этого. Дивлюсь, право, что я еще жива после всех страданий, какие переносу ради Эдварда вот уже четыре года.

*«Чтобы не оставалось уже никаких сомнений,
любезно взгляните на этот портрет»*

но она нисколько не хотела успокаиваться. Она продолжала сидеть, снедаемая нетерпением, которое отражалось в каждой черте ее лица.

Наконец он обернулся и поглядел на них. Она встала, с нежностью назвала его по имени и протянула ему руку. Он подошел к ним и, обращаясь более к Элинор, чем к Марианне, словно избегая ее взгляда и не замечая протянутой руки, торопливо осведомился о здоровье миссис Дэшвуд и спросил, давно ли они в городе. Элинор так растерялась, что не нашлась что сказать. Но ее сестра не стала сдерживать своих чувств. Лицо ее залилось пунцовой краской, и она воскликнула взволнованным голосом:

— Боже великий! Уиллоби, что все это означает? Разве вы не получили моих писем? Вы не хотите пожать мне руку?

Ему оставалось только подчиниться, но ее прикосновение словно причинило ему боль, и он ни на миг не задержал ее руки в своей. Казалось, он старался овладеть собой. Элинор, не спускавшая глаз с его лица, заметила, что оно обретает невозмутимость. После мгновенной паузы он сказал спокойно:

— Я имел удовольствие заехать на Беркли-стрит в прошлый вторник и весьма сожалел, что не застал дома ни вас, ни миссис Дженнингс. Надеюсь, моя карточка не пропала?

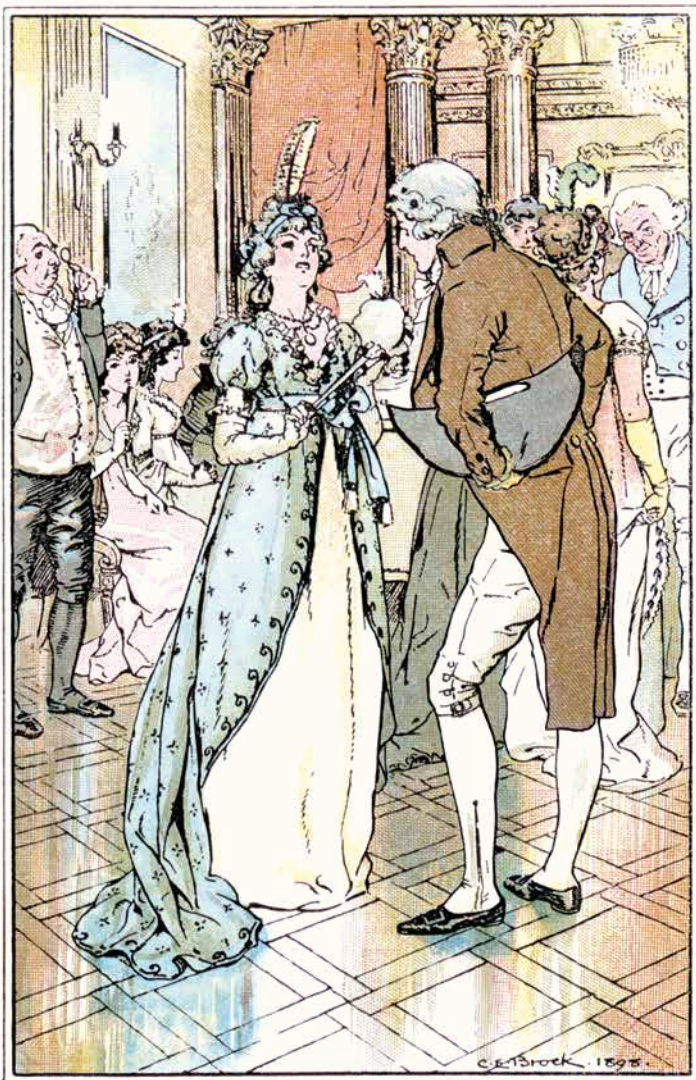
— Но разве вы не получили моих записок? — вскричала Марианна в величайшем расстройстве. — Наверное, произошла ошибка, какая-то ужасная ошибка! Что все это означает? Скажите же мне, Уиллоби, что все это означает?

Он не ответил, но переменился в лице, и к нему вернулась недавняя неловкость. Однако, как будто перехватив взгляд девицы, которая с ним только что беседовала, и почувствовав, что должен незамедлительно справиться с собой, он вновь взял себя в руки и ответил:

— Да, я имел счастье получить уведомление о вашем приезде в столицу, которое вы столь любезно послали мне.

Затем он с легким поклоном поспешно отошел к своей знакомой.

Марианна, смертельно побледнев, опустилась на стул, ноги ее не держали, и Элинор, боясь, что она вот-вот лишится чувств,

*Элинор увидела, что всего в нескольких шагах
от них стоит Уиллоби*

постаралась заслонить ее от любопытных глаз и смочила ей виски лавандовой водой.

— Пойди к нему, Элинор! — воскликнула ее сестра, едва к ней вернулся дар речи. — И заставь его подойти ко мне. Скажи, что я должна его еще раз увидеть, должна немедленно поговорить с ним... У меня нет сил... У меня не будет спокойной минуты, пока все не разъяснится... Какое-то страшное недопонимание... Ах, ну иди же за ним!

— Но как можно? Нет, милая, милая Марианна, ты должна потерпеть. Здесь не место для объяснений. Подожди всего лишь до завтра.

Тем не менее ей лишь с большим трудом удалось удержать сестру, которая хотела сама броситься к нему. Однако убедить ее сдержать волнение, выждать, сохраняя хотя бы внешнее спокойствие, пока ей не представится случай поговорить с ним в большем уединении и более разумно, оказалось невозможным: Марианна продолжала изливаться своей горестью тихими восклицаниями и тяжелыми вздохами. Вскоре Элинор увидела, что Уиллоби вышел в двери, ведущие на лестницу, и, сказав Марианне, что он уехал, вновь умоляла ее успокоиться: ведь все равно сегодня она уже не сможет с ним объясниться! Марианна тотчас послала ее просить леди Мидлтон увезти их сию же минуту домой — в своем отчаянии она была не в силах остаться здесь ни на лишний миг.

Леди Мидлтон, хотя роббер только начался, была слишком благовоспитанна, чтобы, услышав о недомогании Марианны, возразить против ее желания немедленно уехать, тотчас отдала свои карты приятельнице, и они уехали, едва была подана их карета. На Беркли-стрит они возвращались в полном молчании. Муки Марианны были столь велики, что глаза у нее оставались сухи, но, к счастью, миссис Дженнингс еще не вернулась и они смогли сразу же подняться в свою комнату, где Элинор с помощью нюхательной соли удалось несколько привести ее в чувство. Она вскоре разделась и легла, но, видимо, ей хотелось остаться одной, а потому Элинор спустилась в гостиную, где в ожидании миссис Дженнингс у нее было достаточно времени обдумать события вечера.